

школой разума для него вряд ли и существует. Грифуса, как Гардерфера, как Цезена, как Гофмансвальдау, он относит к тому полустолетию «ошибки», которое для него, как и для ТрEDIAKовского (ЗС, с. 174), заполняет промежуток между Опицем и Каницем.

Как же, однако, методически (а не по произвольным аналогиям) поставить вопрос о западной традиции парения?

Для этого, кажется, есть способ. Надо взять парение в самом обостренном его восприятии, иначе говоря, в восприятии противников, в восприятии первого поколения дворянских поэтов.

В елагинской пародической афише⁸⁸ насмешка отмечает «бунтование гигантов», «трясение краев и смятение дорог небесных», Оссу и Пинд, «Кавказ и на нем Этну», «Гиганта, который хочет солнце снять ногою». Но ведь все без исключения эти осмеянные темы восходят у Ломоносова к Малербу. Во вздорных одах Сумарокова ирония непрерывно и упорно возвращается либо к тем же гигантам, Этне, Кавказу и трясению земли (т. е. направлена на тот же малербов тематический узел), либо, еще эффектнее, настаивает на огненной баталистике («Пекин горит и Рим пылает»), а она, как это видно из Хотинской оды, подсказана Ломоносову Гюнтером. Сумароков это знает, один его стих:

Ефес горит, Дамаск пылает,

пародирует уже самого Гюнтера:

Der Nil erschrickt, Damascus brennt.⁸⁹

(I, примеч., с. 72)

Далее, эффектно-милитарную тему пылающего Востока не Гюнтер придумал; он развил ее из поразительно частых трактовок этой темы у того же Малерба.⁹⁰ Мы снова возвращаемся к имени родоначальника европейской оды эпохи абсолютизма. Пародии врагов не ошиблись: они били по тематическому комплексу, малербово происхождение которого несомненно. Не ошиблось и общее литературное сознание XVIII в., всегда связывавшее Ломоносова именно с Малербом. Но это исторически совершенно правильное представление современников предстоит научно обосновать. Только тогда можно будет поставить труднейший вопрос, центральный для понимания поэзии Ломоносова, какова была функция парящего стиля. Во всяком случае не придворная и ничего общего не имеющая с немецкой школой разума.

⁸⁸ Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени, с. 102; автор датирует афишу 1752 г.

⁸⁹ «Нил трепещет, Дамаск горит» (нем.).

⁹⁰ По всему этому вопросу см. подробные объяснения в нашей работе «Ломоносов и Малерб» (Пумпянский Л. В. Очерки по литературе первой половины XVIII века, с. 110—132).